

Только у нас

Каждый год неотвратимо наступает 29 мая. И каждый год душа снова прощается с Евгением Вахтанговым, молодым и мудрым, не переступившим даже свой 40-летний рубеж. На его могиле, которая в 22-м утопала в сирени и скорби, всегда возникало мистическое чувство единения с ним, «общения» — помимо преклонения перед тайной его таланта. Вахтангов всегда умел вызвать к себе чувства совсем земные — влюбленность, сострадание, желание «заглянуть» в его каждодневность, увидеть его «живым», понять, откуда лучезарность «Принцессы Турандот», трагедия Эрика...

тую с числом, но без года, некоторые — в обрывках страниц. Красивый почерк, стихотворное расположение текста. И фразы — страстные, возвышенные, словно не письма, а стихи в прозе. А рядом — скрупулезные денежные расчеты сына богатого фабриканта, оставленного помощью отца.

Иногда невозможно определить, откуда и какого времени письма к Надежде Михайловне Вахтанговой, жене, с которой ему суждено было прожить 17 лет. Но каждое слово в них — прорвавшееся чувство: любовь, сострадание, вина, благодарность, желание успокоить и давать клятвы. Вечная мечта о красивой и гармоничной жизни с самыми дорогими людьми — Надей и Сережей — и очевидная невозможность обрести такую жизнь мятущейся душе Вахтангова.

25 июня

Радостен сегодня день мой, прекрасная моя: я получил два твоих письма.

Я всегда любил тебя, всегда люблю, всегда преклоняюсь перед тобой.

За мою юность, за весну мою, за мальчика нашего.

8 июля

Что ты опять начала эти idiotские вымышления безмозглых господ... Прихожу в ярость от бесильной злобы. И главное ничего не могу поделать. Опускаются руки, в голове все мешается. Рвать все на себе хочу от бешенства...

Наденька, — я дик, я телепень, я не умею ухаживать. Я стесняюсь. Я бегу от женщины. Я дураком чувствую себя в их обществе. Мне приходится наигрывать что-то, чтобы не выдать, до чего я неопытен и нелеп. У меня прилипают язык к гортани. Я вообще не переношу отношений, где я должен быть не то

Я сплю и таким останусь до конца своей жизни.

И вот, среди полного равнодушия ко всему, среди полного хладнокровия к эксцессам жизни, у меня есть что-то, чего нельзя трогать. Мне тогда будет больно...

И у меня был ребенок. Он вырос.

Но в моей душе, он — мой ребенок. Это — ты.

То, что мне дороже жизни. Самое дорогое. Самое родное. Теперь далеков. Чужое. Не знаю, люблю ли я тебя. Но что ты бесконечно дорога мне.

Что ты родная моя по воспоминаниям.

Что все мое связано с тобой. Вся жизнь. Все прекрасное. Все юношество...

Если мы чужие — я никогда не вернусь. Уйду.

Куда: о каждом шаге, если хочешь, будешь знать. Ответь скорей.

На это. И о Сереже... Надя, я никогда не знал лучшего человека, чем ты.

Я никогда и не узнаю. Их нет. Целую твои руки...

10 июля

Люблю Вас, мои близкие. Думаю и мечтаю о Вас долго и восторженно. Горжусь Вами и захлебываюсь при мысли, что буду жить для Вас. Больше любить нельзя. Поэтично, красиво, тепло, всю кровью существа своего. Весь с Вами, мои родные, мои прекрасные...

В этом своеобразном романе в письмах нет хронологии. Год не обозначен нигде — и останется навсегда тайной, когда восторженные чувства сменялись ревностью, когда возникало отчуждение, желание «загнать себя в одиночество». Но через столько лет эти ветхие странички обжигают руки — чувствами, таящимися в них и навсегда ими сохраненными. Огненная душа Вахтангова на мгновение стала зримой, а печаль о нем — пронзительной.

В квартире, где он умер, уже давно положено быть музею — так решили в год столетия, издали грозное постановление. Музея нет и не предвидится, без объяснения причин. И все же не верится, что всегда между нами и Вахтанговым будет стоять каменный истукан на его могиле да фонтан «Турандот», образное решение которого не высекал только ленивый.

Живая память о режиссере, унесшем с собой вечную загадку «Принцессы Турандот», должна вернуться в стены, помнящие его шаги и хранящие его последнюю улыбку.

Неизвестные письма Вахтангова дают возможность увидеть за легендой человека

Эти ветхие странички обжигают руки

ловеческому облику признанного гения. Те крохи, что прорывались сквозь стерильность рассказов о нем (манера одеваться, «выходки» на капустниках Художественного театра или неожиданное озорство признанного мэтра на студийных репетициях, где-то брошенная фраза: «Что за нелепое слово — повидло»), хрестоматийный глянец снять не могли, не порождая дерзкое желание любым путем найти, понять, приблизиться, хоть чуть-чуть, хоть в чем-то к этому невероятному человеку.

В свое время семья Вахтангова передала большую часть личного архива в музей театра — и многие годы он скрыт за семью печатями от любопытных глаз и трепещущих при имени Вахтангова сердец. Такая чрезмерная бдительность теперь уже наводит на мрачные мысли: а сохранен ли архив? Не разлетелся ли по листочку?

Благодаря уникальному случаю у меня оказались драгоценные и долгожданные листочки — несколько писем, уцелевших в семье Вахтангова. Они разных лет, зачас-

Евпатория, 12 июня.

...Я так устроен, что не могу быть с Вами летом. Я изведу и себя и Вас. Знаю это. Поэтому гоню себя в одиночество. И не ругай меня, малютка. Пойми меня. Прости меня. Крошки мои. Золотые мои. Прожил полжизни, и вижу: не научился, буду жить так, как хочешь ты, как скажешь ты. Каждая секунда Ваша. И навсегда. До конца дней моих. Мне надо очистить. И это могу сделать только с тобой и через тебя. У тебя не будет счастья без меня. У меня — без тебя. Мы так прекрасно любим друг друга. И так много делаем глупостей. Так много я порчу.

Теперь мне надо быть здоровым. И надо начинать с осени нашу жизнь.

Поддержи меня. Помоги мне, Надя моя, бог мой, часть души моей, часть тела моего. Я не мыслю себя без тебя.

Мне вдруг сейчас так стало ясно: мы нашли друг друга и мы никогда не должны разойтись...

Мужчина, у которого ничего нет

Вет. Москва. - 1998. - 29 мая. - с. 5.

...я так устроен, что не могу быть с Вами летом. Я изведу и себя и Вас. Знаю это. Поэтому гоню себя в одиночество. И не ругай меня, малютка. Пойми меня. Прости меня. Крошки мои. Золотые мои. Прожил полжизни, и вижу: не научился, буду жить так, как хочешь ты, как скажешь ты. Каждая секунда Ваша. И навсегда. До конца дней моих. Мне надо очистить. И это могу сделать только с тобой и через тебя. У тебя не будет счастья без меня. У меня — без тебя. Мы так прекрасно любим друг друга. И так много делаем глупостей. Так много я порчу.

И вот теперь, когда я всецело занялся собой — я думаю о Вас — моих единственных.

Я хочу быть сильным, чтоб было хорошо Вам.

Помни — у меня будет м. б. еще больше работы.

Мне даже страшно думать. Больше — я знаю, что столько работы нельзя выполнить.

Часть придется оставить.

Много есть такого, где мало поэзии.

И мне там не будет интересно.

На эту зиму нам нужно будет больше.

И ты приготовься, чтоб не упрекать меня никогда. Все, что будет у меня свободно, каждую минутку я проведу с Вами.

Здесь меня хранит Бог...

что неискренним, а должен заниматься, разговаривать... У меня никогда не бывает частных отношений, моих личных, как бы это сказать. Романов у меня не бывает, что м. б. очень печально, ибо печально сознавать, что сердце твое перестало быть молодым...

Письмо разорвано, без даты

С 12 февраля — 41 день я не имею от тебя писем.

Знаю: тебе трудно писать мне.

Знаю: ты не хочешь видеть меня.

Знаю: ты не ждешь меня, как раньше. Но превозмоги себя — напиши.

Помнишь, я был выше тебя.

Помнишь, ты переросла меня.

И с тех пор я чужой тебе.

Я — человек,

у которого нет ничего.

Ни желаний. Ни принципов. Ни определенности. Ни положительности.

Я ничего не ищу и потому мне не нужно никаких удовлетворений.

Фото из архива семьи Вахтанговых

«Гнев Господень нас в мир изверг, Дабы помнили люди — небо».

М. Цветаева — Е. Вахтангову, 1918

Ольга ПИНИЖИНА

Памятник, который теперь стоит на могиле Вахтангова, непостижимым образом убивает эти редкие ощущения.

Его мемориальная безликость возмечивает имя, уничтожая живую память о дорогом и талантливом человеке. Собственно, земная жизнь Вахтангова совсем неведома нам. Разрыв с отцом, заграничные путешествия с грошами в кармане («Разве можно прожить на земле и ничего из этой земли не видеть»), отношения с учениками — все прожитое им известно ровно настолько, чтобы соткать благополучную легенду, венчает которую ранняя и мучительная смерть. Фанатик театра, он словно только и делал, что изучал систему Станиславского, чтобы потом опровергнуть ее, прививал своим ученикам нравственные идеи Сулержицкого и неотступно думал о том, как превратить «Принцессу Турандот» в свой творческий манифест. Мемуары, щедро оставленные учениками, мало что добавляют к этой легенде. Писались они в годы, когда общие слова и расхожие понятия подменяли парадоксальные высказывания Вахтангова, воспоминания о его вспышках гнева, отчаяния, слабости и озарения — все, что позволяет приблизиться к че-